

ВСЕГДА РАДУЙТЕСЯ

Непрестанно молитесь. За все благодарите: *ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе (1 Фес. 5, 16-18)*

ТРОИЦА - ПРАЗДНИК ЛЮБВИ

Православие, сестра, — это когда делаешь то, что тебе не нравится. Нравится говорить, а ты молчи. Нравится спать, а ты не спи. Нравится кушать, а ты не ешь. Особенно конфеты. И телевизор смотреть нельзя — он от Зверя».

Так монастырская трудница поучала пожилую паломницу.

А та стояла и слушала, открыв рот. Я прошел мимо и подумал: «А ведь она права. Вера для многих труд, мука, искушения и скука. А Христос сильный, но не любимый».

Я в конце исповеди часто спрашиваю, как мне кажется, главное:

— Любишь ли ты Христа?

А иные батюшки про это говорят, что это неприлично. А один дьякон вообще пригвоздил:

— Есть такие вещи, которые не говорят священнику даже на исповеди!

Любить как бы стыдно и спросить о любви стало неприлично. О том, что украл, убил, солгал — прилично, а об этом — нет. Без позитива. А может быть, слово «любовь» просто пугает? Ведь каяться — это стать не таким, как Каин. Это взгляд в прошлое. А слово «любить» обращено в будущее. Оно очень значимо для русского человека. Им не бросаются. Сказать «люблю» — это принять на себя жизнь и судьбу любимого. Сказать «люблю» Богу — это значит, как с головой в омут, жить нараспашку, любя Бога, людей и зверей. А это страшно. И невыгодно.

Зачем же апостолы разошлись по лицу земли на верную смерть и муку? Потому что они, как сказала прицерковная бабушка, любили делать назло судьбе то, что не нравится? Может, они были мазохисты, и им нравились страдания? Нет!

Из Деяний апостолов:

И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит?

А иные, насмехаясь, говорили: они напильсь сладкого вина. Петр же, став с одиннадцатую, возвысил голос свой и возгласил им: мужи Иудейские, и все живущие в Иерусалиме! сие да будет вам известно, и внимайте словам моим: они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня; но это есть предреченное пророком

Иоилем: И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. И на рабов Моих и на рабынь Моих

в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать.

И покажу чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу, кровь и огонь и курение дыма.

Солнце превратится во тьму, и луна — в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и славный.

И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется.

Почему они были как пьяные? Вино — это костыль радости. А в них вошла сама радость.

Радость эта была небывалой силы. Сила этой радости потрясла их. Они пошли во все концы вселенной на голос этой радости, имея только одну цель — преумножить ее и поделиться. Ей нельзя не поделиться. Она давит душу, когда принимается только в одно лицо. Она умножается, когда ей делятся.

Это про эту радость любви говорил Христос самарянке.

Евангелие:

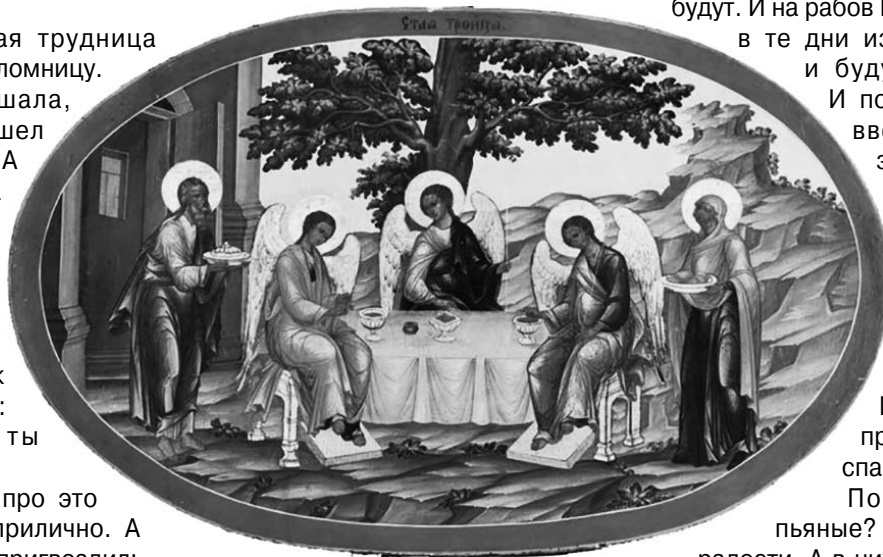
— Иисус сказал ей в ответ: всякий, пьющий воду сию, возраждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную.

Имеется в виду, что из нашего сердца потекут потоки живой воды, которые напоят и наше сердце, и сердца ближних.

Потекли ли? Правда ли, что из нашего сердца рекой льется счастье, которого хватает нам настолько, что нам просто необходимо поделиться Его избытком?

Это неправда. Мы вечно недовольны собой, семьей, работой. Осуждать друзей — любимое занятие. Пророчествовать о судьбах правительства, мира — любимый недостаток. Нас можно узнать, потому что большинство из нас — скрытые психи.

Мне иногда очень жаль детей, которые крестятся в

младенчестве. Они не узнают, как Дух Святой приходит в бурном дыхании и наполняет сердце вином любви. Дары останутся, но не будет этого дня, который так остро переживали апостолы. Потому что крестные делают вид, что учат Символ веры, а родители обманывают, что они христиане. Я заново после крещения мальчиков-младенцев в алтарь и говорю им:

— Ну, брат, здорово! Хотел бы я знать, что видит твоя душа в алтаре. Может Силы небесные, а может самого Христа. Да жалко, все ты это забудешь. Но говорю твоей забуде и ангелу-хранителю: «Христос воскрес!»

Думаю, наши ангелы-хранители улыбаются.

«Если на сердце нет радости», — говорит праведный Иоанн Кронштадский, — «значит, там прилег дьявол». Мы получили, при крещении все сокровища вечного мира. Благодаря дарам Святого Духа, принимаемым человеком при крещении, каждый может стать Царем и пророком. Любой мальчик может стать священником и принять через наложение рук на главу благодать, непрерывно передаваемую от самих апостолов. Чего же больше? Что, нам нужно, чтобы разверзлись небеса и ангелы продудели в трубы, но не будет ли это чересчур?

Если в ветхозаветные времена елеопомазание принимали только избранные Бога, такие, как молодой Давид или Моисей, то теперь не меньшую благодать принимает каждый христианин. У Духа нет меры. Он не может быть больше или меньше. Его не может быть сто грамм или

Вселенная. Он бесконечен в любой Его капле. И каждый из нас, приняв с миропомазанием дары Духа Святого получил столько, сколько может вынести наша душа. Можно было бы взять и больше, да не умеем.

Добро, если не умеем. А то ведь бросаем в пыль. Как так? Как можем мы быть несчастливы, безрадостны и унылы, если мы приняли Духа? Разве только оттолкнули Его прочь? Разве это проблема в Духе? Нет. Она в нас и нашем сердце. Сердце сухое и грязное не только не принимает святые Дары, оно боится их и бежит от них.

Апостол Павел сказал следующие слова: «Хорошо Дух Святой сказал отцам нашим через пророка Исаию: пойди к народу сему и скажи: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите. Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их».

Мой друг сдает квартиру студентам. Студенты как студенты. Живут в складчину. Он их спрашивает:

— Куда поедете на каникулы? По домам?

— Нет.

— В Крым?

— Нет.

— А куда?

— В Ярославскую область.

— А что там такое?

— Дом престарелых. Мы уже много лет ездим туда на все лето.

— !!!!!!!!!!!!!!!

— Да, брат они ездят не в Ярославскую область. Они ездят в гости к Богу.

С виду не православные. Девушки без длинных темно-синих юбок, без платков. Ребята без бород и черных рубашек. У них нет на груди иерусалимских крестов и иконостаса из ладанок и медальонов, но они узнали эту радость, которая вошла в мир благодаря Богу и апостолам. Они приняли и узнали это вино любви. Они влюбились в Бога. Они узнали эту радость, и они уже никогда с ней не расстанутся.

То, что произошло в Сионской горнице с апостолами, имело вселенское значение. Они не просто были приемниками Святого Духа или медиумами. Они стали свидетелями того, что Бог обновил естество человека. Человек раньше был неразвит и спасался в общине и народе, силой всего народа. Так было проще спастись, но труднее лично послужить Богу. Меньше личных возможностей — меньше личных достижений.

Но вот произошло переформатирование природы человека, обновление программы и «железа». То, что раньше давалось как штучный дар великим избранным:

пророку Илии, Давиду, Аврааму — ради народа, дается теперь каждому христианину лично. Любому. Если только он захочет взять.

В Троицу произошло событие вселенского масштаба уже не с отдельным народом, а с каждым любящим Бога — была изменена природа человека. Бог поставил людей перед дверьми Рая другими, чем они были до Христа. И особенно этот дар велик в Православной Церкви, где не только священникам, но и всем мирянам преподается Тело и Кровь Христова. Какое доверие!

Но потекли ли из нашего сердца реки живой воды? Говорим ли мы как апостолы о Христе на языке тех людей, с которыми нас сводит жизнь? Или мы, как называют нас мусульмане, «люди книги» — читаем, молчим и покупаем свечи?

Приняли ли мы дары Духа Святого и узнали ли вино радости? Или все время канючим и жалуемся? Если так, то Праздник Троицы — не наш праздник. Он праздник апостолов, этих московских студентов, живущих на квартире,

Христос и Иуда.

Притча Леонардо да Винчи

При росписи фрески «Тайная вечеря» в трапезной одного монастыря Леонардо да Винчи часами бродил по улицам Милана, вглядываясь в лица прохожих. Так, с натуры, писал живописец лики апостолов Варфоломея, Иакова, Андрея, Петра, Иоанна, Фомы, Филиппа, Матфея, Симона, Иуды Фаддея, Симона. И все никак не мог найти натурщиков для образов Христа и Иуды Искариота.

Однажды во время богослуженья Леонардо увидел совершенный образ Христа в юном певчем церковного хора. Художник пригласил певчего в мастерскую и сделал несколько набросков, на которых Иисус предстал словно живой.

Образ Иуды оставался по-прежнему незавершенным. Долгих три года искал Леонардо подходящего натурщика. Казалось, не было в Милане трущоб, захолустий и злчных мест, которых бы не обошел мастер в тщетных поисках. А власти все торопили Леонардо, чтобы тот закончил фреску как можно скорее. Однажды удача ему улыбнулась. Он нашел человека, чей образ подходил для фрески. Грязный, оборванный, пьяный, он валялся в сточной канаве. Леонардо велел помощникам нести его прямо в монастырь, потому что времени на этюды в мастерской у него уже не было.

Он выписывал кистью все пороки, которыми дышало это молодое, но преждевременно состарившееся лицо — себялюбие, озлобленность, злочестие, гордыню... Очнувшись от пьяного беспамьятства, натурщик взглянул на фреску Христа и с тоской в голосе сказал:

— А ведь я знаю эту картину!

— Откуда ты можешь знать ее? — недоуменно переспросил Леонардо.

— Три года назад, когда я был певчим в хоре, и в жизни моей не было места грехам, один художник писал с меня Христа...

христиан, живущих на всю катушку ради Христа и своих ближних.

Возможно, смерть еще далеко от нас. Но что смерть! Пустое — закрыл глаза и через мгновение вновь откроются очи души. И скажет Бог:

— Вот я тебе дал праздничную одежду, где она? Как ты вошел на

брачный пир в одежде, испачканной злобой, жадностью, блудом, лицемерием, убийством, воровством? Зачем ты порвал ее? Зачем ты ее выбросил?

Не потому так спросит, что Ему жалко даров. А ради удивления о нашем счастье. Он не только дары,

самого Сына принес в жертву. Потому что любит. И праздник Пятидесятницы — праздник Его любви к нам, милующей и глубокой.

**Священник Константин
К а м ы ш а н о в**

Не стать преградой на чьем-то пути

Неверующие и нецерковные люди зачастую и чище, и добрее, и отзывчивее, чем христиане!»

Вам приходилось когда-нибудь слышать подобные заявления? А самому говорить что-то с этим схожее? Или хотя бы думать так?

Лично я слышу или прочитываю эти или похожие слова достаточно регулярно и прекрасно понимаю, на чем говорящие и пишущие их основываются. Сам, однако же, так никогда не говорю и даже не думаю. Но и в полемику тоже чаще всего не пускаюсь: трудно ее по ряду причин вести, да и не уверен, что это нужно. Или, иначе: не уверен, что нужно именно это.

Нет, ни в коем случае нельзя говорить о том, что «неверующие люди лучше христиан». Это утверждение по сути своей ложно. Они не лучше и не хуже, они такие, какие есть, — со своими достоинствами и недостатками, сильными и слабыми сторонами, в чем-то разные, в чем-то удивительно напоминающие друг друга. С кем-то из них приятно общаться, кого-то, узнав хоть немного, всю жизнь будешь старательно избегать. Каждый из них индивидуален, неповторим, и зачем же с «ними», со всей совокупностью «их» сравнивать тех, кто наполняет сегодня наши храмы, зачем вообще нужны эти сравнения?

Ну, ведь ясно же, что и в Церкви люди разные — по характеру, по темпераменту, по образу жизни, по интеллектуальному уровню, по социальному положению наконец. И они, хотя и объединены общей верой, участием в Таинствах Церкви, хотя и составляют мистически одно Тело, не могут, тем не менее, сразу же, после воцерковления, стать совершенно другими и каждый раз «выигрывать» в соревновании на лучшие человеческие качества у тех, кто порога храма еще не переступил. И с течением времени тоже далеко не всегда оказываются к этому соревнованию готовы.

Да, к сожалению, очень часто приходится признавать и признаваться самим себе (хотя бы на исповеди),

что мы гораздо хуже, чем должны были бы быть. В нас далеко не всегда можно распознать христиан по нашему поведению, манере общаться, отношению к людям и поступкам. И это беда. Беда, потому что мы слишком мало меняемся к лучшему и слишком мало и не усердно трудимся ради этого. Мы зачастую остаемся такими же, какими были до прихода в храм, не движемся вперед, не работаем над собой. А от нас ждут другого... От нас ждут если не совершенства добродетели, то хотя бы просто добродетелей как таковых. В нас хотят видеть пример, ориентир, своеобразное «доказательство» силы и ответственности христианства, ту соль и тот свет, которыми мы должны для мира быть. Причем хотят не только люди, к христианству тяготеющие, расположенные, близкие, но и те, у кого оно само по себе вызывает отношение противоречивое, неоднозначное. Даже они тянутся к этому сокровенному в нем и не являемому нами свету... Они могут утверждать, что в нас его нет, но расстраиваются, скорбят, обижаются, когда им и вправду не удастся его в нас разглядеть.

Это то, за что обижаются... Но не прощают нам, кажется мне, все-таки другое. Из-за этого другого и говорят о нас подчас, что мы «хуже», хотя само по себе это неправда.

Самое худшее, что может произойти с человеком в Церкви, — это подмена: когда он не меняется, стараясь стать таким, каким учит быть Евангелие, каким хочет видеть его Господь, а ищет (и находит!) в христианстве «оправдания» и «обоснования» для своих страстей.

Не любит человек других людей, раздражают они его, неприятны они ему, не способен он увидеть в них своих братьев и сестер, Богом возлюбленных... А он, вместо того, чтобы оплакивать это бесплодие и пустоту души своей, говорит себе: «За что их любить? Без Бога живут, закона Божьего не чтут, дух попрали, плоть возвеличили, приложились скотам несмысленным и уподобились им. Тьфу!» И «проблема решена».

Или есть у человека страсть к учительству, нравится ему чувствовать себя старше, умнее, опытнее других. А оснований для такого самочувствия вроде бы нет. Но он же не от себя говорит, а от Евангелия, от отцов, от учения церковного! И что с того, что все это перемешано с его какими-то благоглупостями, гордостью и самомнением? Главное: «оправданно».

Или невоспитан человек, не умеет с людьми общаться, оскорбляет, унижает, унижает их. Хлебом не корми, а дай ему кого-то уесть, уязвить, слово колкое и злое сказать. Но он ведь не просто так это делает — он заблуждения вредные обличает, он ереси опровергает, он духом горит и возмущается!

Я думаю, что нам очень часто не прощают именно подобных вещей. Да, кто-то не любит Церковь и христиан в принципе. Не любит, потому что безбожник. Или потому, что настолько чужд Евангелию и самому духу его. Кто-то видит в существовании Церкви и христианства обличение своей беззаконной жизни, препятствие к совершению тех или иных злых дел. И тут ничего не поделаешь. Эта нелюбовь «заслуженна» — нам остается лишь терпеть ее и молиться за тех, кто пребывает в таком ожесточении, и... даже радоваться, если нас гонят и преследуют за то доброе, что в нас есть, за то хорошее, чем в самих себе мы христианству обязаны. Потому что велика тогда мзда наша на небесах.

Гораздо хуже, когда нас не любят за то, что мы плохие христиане... Когда же нас не любят за то, что христианством мы «оправдываем» и обеляем худшее в себе, выдавая порок за добродетель и слабость за силу, когда для всех, кроме нас, это очевидно, тогда дело совсем плохо.

Вот именно тогда и начинаются разговоры о том, что «обычные люди лучше христиан». И хоть мы можем с этим не согласиться, можем поспорить, можем даже доказать, что на самом деле это не так, пользы от споров и доказательств будет мало. Важно свидетельство, то есть сама наша жизнь. Важны дела: они сами скажут за себя, за нас и за нашу веру. Дай Бог, чтобы вера была видна из жизни и дел. Чтобы были они ее достойны.

И не приведи Господь, чтобы были они дурны, а мы верой пытались их «оправдать» и «обелить».

Если что-то плохо в нас, если сами в себе различаем мы противную христианству тьму, то не оправдывать и обелять ее надо. А честно

говорить: «Это худое во мне — не от христианства. Это то, что я пытаюсь в себе благодаря христианству преодолеть. Я плохой христианин, но изо всех сил стараюсь с помощью Божией стать лучше».

Иногда очень трудно так поступать.

Но это честно и потому не вызывает отторжение. Это — понятно. И это не дает людям внешним повода думать о христианстве превратно, а значит, не становится преградой на их пути... И мы не становимся этой преградой.

Игумен Нектарий (Морозов)

Веточка

Жила-была маленькая Веточка сирени. Росла она на большом сиреневом кусте возле дома бабки Агафьи, таком большом, что куст совсем закрывал дом от прохожих. Бабка Агафья любила Бога, любила молиться и ходить в храм, и Веточка тоже всем сердцем полюбила Его. Поэтому она была так рада, так счастлива, когда бабка Агафья, собираясь на Вознесение в храм, стала обрывать сирень, чтобы отнести Богу большой букет.

— Сейчас и меня сорвут, — подумала наша веточка, — и отнесут к Богу. И маленькое сердечко ее затрепетало, а белоснежные цветочки на голове Веточки стали еще белее.

Но случилось несчастье. Сломать-то ее бабка Агафья сломала, да и выпустила из больших рук. А наклониться и поднять красавицу старушке было нелегко. Так и осталась лежать маленькая Веточка на пыльной земле, сквозь слезы глядя, как ее подружки огромным букетом в руках хозяйки направились на встречу с Богом.

— Разве может на земле быть такая несправедливость, заплакала Веточка. Мне, которая больше всех на свете любит Бога, придется остаться умирать, а мои подружки увидят Бога бабки Агафьи. Услышал плач Веточки Голубок, пролетавший мимо, и спросил Веточку о причине слез.

— Всю жизнь я мечтала попасть к Богу своей хозяйки, и вот мои подружки попадут к Нему, а я осталась умирать здесь, не нужная никому — сказала веточка.

— Я знаю, сказал Голубок, что Бог живет высоко на небе, хочешь, я отнесу тебя к Богу на небо?

Обрадовалась Веточка словам Голубка. Взял Голубок веточку покрепче в клюв и взмыл высоко к небесам. А Веточка, радуясь скорой встрече с Богом, вновь вся похорошела,

отряхнула придорожную пыль и вновь стала такой красавицей: с зелеными-презелеными листьями и белой шапочкой цветков на голове.

Путь на небеса был не близок, устал голубок. Летели они с Веточкой мимо высоких гор и усталые крылья Голубка совсем замерзли. Быть бы тут беде, погибли бы Голубок да Веточка в чужих горах, только увидели они догорающий костер, оставленный путником на горном перевале. Присел голубок у огня и попросил согреть его. Только затухал уже костер и лишь один Язычок пламени нашел в себе силы ярко вспыхнуть, чтобы согреть Голубка и Веточку. Согрелись путники, и спросил у них Язычок пламени, куда они летят, зачем забрались в такую даль?

— Летим мы к Богу бабки Агафьи, хозяйки веточки. Забыла бабка Агафья взять веточку собой в храм к Богу, не зная, как сильно Веточка любит Бога. А живет Бог высоко на небе, вот и летим мы к Нему.

— Возьмите и меня с собой, я хочу видеть Бога, хочу полюбить Его так, как любит Веточка.

Но не смог взять Голубок Язычок пламени, потому как обжег бы он крылышки птичке. Печально смотрел Язычок пламени на удаляющихся путников.

Целых десять дней летел голубок на небо, и когда, наконец, достиг он Небесных Обителей, наступил праздник Троицы. Ласково встретил Голубка и Веточку Архангел, он уже знал о цели далекого и трудного путешествия, которое совершили маленькие друзья.

Проводил Архангел путников к Богу, и сбылась мечта Веточки. Однако еще больше расстроилась она, увидев красоту, окружавшую Престол Бога.

Дивные растения росли у Престола, удивительные животные предстояли Престолу, чудные птицы пели славу Богу, а вокруг, куда ни глянь, простирались толпы людей в снежно-белых одеждах, и Веточка почувствовала себя такой неопрятной и грязной, что пожелала скорее

оставаться в пыли у дороги, чем быть опозоренной здесь, на Небесах.

Но Бог, ласково посмотрев на Веточку, взял ее в руки Свои и сказал: «Любовь твоя и решимость достойны удивления, маленькая Веточка. Не случайно цветочки твои похожи на крестики. Пускай каждый твой цветочек станет крестом, который понесут любящие Меня к этому Престолу, и Я убелю одежды путников, как убелил одежды тех, кого ты видишь вокруг. А ты Голубок, будешь символом мира и Духа Святого, и, как когда-то Ною в ковчеге, будешь нести надежду отчаявшимся и находящимся в печали людям».

— А как же Язычок пламени? — воскликнули Веточка и Голубок, — мы не смогли принести его к Тебе, но он тоже хотел увидеть Бога.

Опустил Свои глаза Бог на землю и увидел в заснеженных горах Язычок пламени, превратившийся в затухающий уголек. И послал Бог Ангела принести Язычок пламени к Своему Престолу. От радости вновь разгорелся ярким огнем Язычок пламени. «Будешь ты отныне сходить Благодатным огнем на землю накануне Пасхи» — сказал Язычку пламени Бог, и не будут тебя бояться люди, потому что не станешь ты обжигать их своим теплом, но лишь согреешь сердца любящих Меня.

А наша первая знакомая, Веточка сирени, разлетелась по всему миру мириадами маленьких крестиков. Попала она и в храм, в который ходила ее хозяйка. Было ранее утро Троицы, и бабка Агафья принесла новый букет, но, не зная, куда бы его поставить, привязала веточки сирени к березкам, стоявшим ради праздника перед алтарем. Мы бы удивились такому, потому что не цветет на березе сирень, но веточка поняла, что бабка Агафья поступила так неспроста. Вспомнила Веточка, как играли у престола Бога лев и ягненок, и поняла, что и хозяйка ее была на небе у престола Вседержителя-Бога.

Протоиерей Андрей Ефанов

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЭТУ ГАЗЕТУ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЦЕЛЯХ.

ЕСЛИ ОНА СТАЛА НЕ НУЖНА, ОТДАЙТЕ ЕЕ ДРУГИМ ЛЮДЯМ ИЛИ ПРИНЕСИТЕ В ХРАМ.

Печатный орган прихода храма «Преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких». Тираж 200.

Настоятель прихода священник Алексей Суханов (тел. 8 904 410 8101). Распространяется бесплатно.

www.hram-v-kotlubani.ru